

АЛЕКСАНДР БИКБОВ
СТАНИСЛАВ ГАВРИЛЕНКО

Российская социология: автономия под вопросом

Методическое замечание

В совместной программной работе Дюркгейм и Мосс провозгласили принцип, впоследствии легший в основу «сильной программы» социологии знания: «Методы научного мышления — это подлинные социальные институты»¹. Когда речь идет о таких успешных с научной точки зрения реализациях научного мышления, как математика или физика, это парадоксально материалистическое положение позволяет высветить земные корни платоновского мира идей. В отношении социальных наук, которые в доказательство своего божественного происхождения зачастую не способны предоставить ни универсального закона, ни материальной техники, систематически и осязаемо изменяющей мир обыденной очевидности, велик соблазн заключить, что они попросту сводятся к социальным институтам и всего лишь объективируют их логику — логику изучаемых областей или самого научного производства. Иными словами, социальные науки, разрушающие миф о трансцендентных источниках знания, первыми лишаются привилегий трансцендентного происхождения. Впрочем, если проблема заключалась бы только в отсутствии решающих доказательств научности, до их обретения можно было бы рассчитывать на постоянный эзотерический, не признаваемый вне этих дисциплин обмен между обладателями научного если не знания, то практического чувства. Однако современные научные институты по своей организации крайне далеки от эзотерических кружков. Прежде всего, они постоянно поддерживают принудительно утилитарную саморефлексию своих чле-

¹ Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Восточная литература, 1996. С. 7.

нов, обосновывая как свою «общественную полезность», так и экономическую оправданность. Более чем вероятно, что история отдельных научных инстанций не вписывается в логику функционирования «научного института в целом». Тем не менее, известные нам примеры заставляют относиться к критике институциональных условий социальных наук как к серьезному предприятию, поскольку открытость социальных дисциплин к внешним требованиям и, одновременно, отсутствие твердых эпистемологических оснований, тесно связанных с иллюзией трансцендентного происхождения знания, упреждают их возможное движение по эзотерическому пути и, тем самым, оставляют приоритет за таким мышлением, которое в самом деле тяготеет к самопредставлению изучаемых институтов, вернее, к представлению при его посредстве господствующего взгляда на социальный мир. Чтобы понять, насколько полно этот взгляд подчиняет себе, в частности, социологию и каков механизм, препятствующий автономии социального знания, мы предприняли данную работу.

Приступая к исследованию, мы отнюдь не ставили своей целью описать отдельные «случаи», сопроводив их внутриинтеллектуальной или внутрицеховой критикой. Смысл нашей работы состоит в том, чтобы, очертив отправную и часто само собой разумеющуюся (а оттого наименее заметную и наиболее устойчивую) плоскость социологических построений, расширить пространство возможных взглядов на социальный мир и показать, что господствующий сегодня в российской социологии взгляд — продукт стечения социальных обстоятельств на коротком промежутке ближайшей истории дисциплины, который может быть иным в иных исторических условиях (например, в современной французской социологии) и в принципе иным, если рассматривать социальные науки на пути к новым горизонтам и к собственно научному содержанию, каждый раз преодолевающему историческую ограниченность своих институциональных условий. Мы считаем важным отметить, что не рассматриваем социологию как вещь, но при этом вовсе не противоречим Дюркгейму. Мы не видим смысла в представлении о социологии как вещи или субстанции, которая действует как целое, мыслит (себя) сама, является среди прочих дисциплин и «по своей природе» социальным и эпистемологическим монолитом. Прими мы подобное допущение, и целая область критического анализа оказалась бы для нас заранее недоступна, будучи нейтрализована натуральным исчислением сущностей. Мы рассматриваем социологию на кратком историческом интервале как баланс сил, складывающийся между конкретными институтами и их членами, который через результирующие его профессиональные иерархии, механизмы признания, актуальные требования и ставки порождает формы представления о социальном мире. Иными словами, социология — это не единичная сущность, а поле упорядоченных событий, обнаруживающее в себе принципиальные разрывы, противоречия, но также общие места и структур-

ные соответствия, которые отображаются в конечном продукте профессиональной практики — письменном или устном тексте, представляемом от лица науки.

Какие суждения порождаются и отсеиваются этим полем сил, принимающим форму институтов? Профессиональная цензура на средства выражения, которая наиболее отчетливо выражена в философии, слабее в социологии и совсем слабо в публицистике² — если брать за основу наличие специализированного языка — обнаруживает себя уже в самых простых и основополагающих реалиях дисциплины. Если цензурное правило философии сегодня гласит: «ничего вульгарного и слишком простого!» — то журналистская, а отчасти и социологическая цензура выбраковывает все «слишком сложное» и «заумное». Помимо этих простых максимум в каждом случае работают более нюансированные — в т. ч. политически — неявные предписания, которые и являются привилегированным объектом нашего исследования современной российской социологии. Как можно ухватить эти неявные правила, с первых же шагов не соскользнув в предвзятость или частности? Иначе говоря, как можно выявить неявное? Ответ состоит в прояснении базовой схематики господствующих в российской социологии классификаций, которые действуют как порождающие схемы или, по крайней мере, как неустранимые пункты реальности для профессионального текста и одновременно как ограничители вариативности социологически допустимых форм объяснения. Иными словами, речь идет о выявлении *здорового смысла* дисциплины.

Мы специально хотим оговорить значение, которое имеет атрибут «господствующие», когда речь идет об изучении социологических представлений. Опорным здесь является прием, действенность которого неоднократно доказана исследованиями П. Бурдьё, а парадоксальная объяснительная сила как общего положения прежде продемонстрирована Р. Бартом: господствующие представления — это представления господствующих³. Здесь признак «господствующий» определяется не как количественный, т. е. не как наиболее часто встречающийся, а как *структурный* — выступающий неустранимым и обуславливающим для профессиональных практик всех агентов дисциплины⁴. Это определение позволяет су-

² См.: Bourdieu P. L'ontologie politique de Martin Heidegger. Paris: Minuit, 1988. Гл. 4.

³ Барт Р. Мифологии / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 264-269; У Бурдьё см., напр.: Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Minuit, 1979. P. 448-461.

⁴ Структурное определение господства предполагает разрыв с доминирующей позитивистской логикой конструирования объекта, центральным элементом которой является количественная интерпретация «господства» (ср. «господствующие мнения», «господствующие ценности» и т. п.) и которая систематически вытесняет вопрос о социальных условиях и формах эффектов господства, а вследствие этого нередко — и конверсию политических императивов в статистические процедуры (см.: Шампань П. Разрыв с пред-

щественно сузить и уточнить зону нашего анализа. Для выявления принципов социологической классификации нам не нужно пытаться охватить весь массив профессиональных текстов, опубликованных на ограниченном временном интервале. Можно действовать, в некотором смысле, прямо противоположным образом: выделить ключевые фигуры и тексты, отмеченные неформальным признанием профессиональной среды и/или явными признаками высшей иерархической принадлежности (посты, звания, награды), и проанализировать логику функционирования этих позиций, занятие которых чаще всего является результатом длительной и ритмически неоднородной аккумуляции ресурсов. А для того, чтобы избежать явного уклона в сторону «великих имен» — в чем бы ни заключался источник их величия — следует обратиться к другому структурному показателю: классификациям, вернее, самоклассификациям, действующим в профессиональной среде и выраженным в устройстве научных и образовательных институтов: к структуре социологических факультетов и академических заведений, к темам крупных конференций и выступлений, к сюжетам итоговых сборников и отчетных сессий, — в которых социальный мир, а значит и сама социология, представлены через наиболее общие легитимные деления и определения. Таким образом, исследуя господствующий в российской социологии здравый смысл, мы обращаемся к профессиональным классификациям, которые производятся в господствующих позициях: в практике центральных специализированных инстанций и агентов, продукция которых выступает образцом (и пределом) для большинства менее специализированных и/или менее признанных профессионалов. Прделанный на этих принципах анализ способен дать, на наш взгляд, вполне адекватное приближение к здравому смыслу дисциплины, если учитывать, что он не исчерпывает ее содержательных вопросов, но отражает ее наиболее крупные гравитационные центры.

Принципы мышления: генезис социологических институтов

Ключевые позиции в российской социологии занимают сегодня те, кто на протяжении 1950-60-х переоткрывал в советском академическом контексте подходы и приемы, разработанные в американской и, реже, в западноевропейских версиях дисциплины. Б. А. Грушин, Т. И. Заславская, И. С. Кон, Ю. А. Левада, Г. В. Осипов, В. А. Ядов — энтузиасты, практики и интерпретаторы, научные администраторы, которые от полуофициаль-

взятыми или искусственно созданными конструкциями // Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии / Пер. с фр. Д. В. Баженова, А. Т. Бикбова, Е. Д. Вознесенской, Г. А. Чередниченко под ред. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001).

ных семинаров и чтения западной литературы из спецхранов, исследований трудовой мотивации и общественного мнения, первых зарубежных стажировок и международных конгрессов, миновав в 1970-80-х с большими или меньшими потрясениями поворотные точки своей научной карьеры, к концу 1980-х (время нового официального признания дисциплины) занимали должности в академическом секторе и сумели обратить новый политический ресурс в пользу восхождения к вершинам административной иерархии, заняв ключевые посты в старых и новых учреждениях, таких как ИС АН, ВЦИОМ, чуть позже ИСПИ и Интерцентр⁵. Схожий эффект можно было наблюдать и на образовательном полюсе, например, в случае В. И. Добренькова, который в тех же обстоятельствах оказался распорядителем крупнейшего образовательного учреждения — социологического факультета МГУ⁶. Авторы, опубликовавшие свои первые социологические тексты в 1960-х или в начале 1970-х и сегодня воплощающие своей траекторией опыт всего периода институционализированной советской социологии, обрели господствующее положение в результате постоянства своих административных и научных (в случае исследователей) притязаний. Именно они, через тексты и конференции, через учебники и прямое обращение к студентам-социологам, но также, и все больше — через административную и организационную деятельность гарантируют сегодня устойчивость дисциплины и правила наследования в ее рамках.

При этом наиболее известные сегодня российские социологи скептически оценивают не столько советскую социологию в целом, которой они, все же, склонны адресовать сдержанные комплименты, будучи генетически связаны с этим периодом, сколько собственную *профессиональную компетентность*. Из их уст подобные признания могут показаться удивительными: «Вот это проблема моего поколения социологов. Мы все — самоучки в социологии»⁷; «Это была атмосфера всеобщих споров... Я смотрю на это... скептически, потому что чего-то оригинального и серьезно созданного не было... Мы сами учились всем этим предметам — плохо и мало...»⁸; «Надо четко разделить социологию и меня. Конечно, социоло-

⁵ Институт социологии Академии наук СССР (впоследствии РАН, создан в 1968 как Институт конкретных социальных исследований АН СССР, в 1988 г. возглавлен В. А. Ядовым), Всесоюзный (впоследствии Всероссийский) центр изучения общественного мнения (создан в 1987, возглавлен Т. И. Заславской), Институт социально-политических исследований АН СССР (впоследствии РАН, создан в 1991, возглавлен Г. В. Осиповым), Междисциплинарный академический центр социальных наук (создан в 1993, возглавлен Т. И. Заславской и Т. Шаниным).

⁶ Создан в 1989 г. на основе кафедры конкретных социальных исследований при философском факультете МГУ.

⁷ Интервью с В. А. Ядовым // Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах / Под ред. Г. С. Батыгина. СПб.: Издательство РХГИ, 1999. С. 61.

⁸ Интервью с Ю. А. Левадой, там же, с. 91-92.

гия — это особая наука. Но я и сейчас недостаточно ею владею, хотя бы потому, что у меня нет базового социологического образования»⁹. Эти признания, которые, как можно видеть, распространяются и на актуальное самоопределение, не являются чем-то случайным по отношению к практике социологов, чей вес и престиж гарантирован временем, проведенным внутри дисциплины. Выстраиваясь вокруг оппозиции профессионализма/любительства, они сообщают о важном факте в истории дисциплины: профессиональная социология была учреждена в России (СССР) в течение жизни старшего поколения, и следы этого незавершенного превращения самоучек в признанных социологов продолжают составлять один из пунктов напряжения в их автобиографической рефлексии, равно как в их актуальном профессиональном самоопределении.

Однако что значит самочувствие любителя для признанного социолога, сейчас интересует нас существенно меньше, чем вопрос о том, каким образом неокончательная профессионализация господствующих профессионалов сказывается на структуре дисциплины. Первое, чем следует поинтересоваться ввиду нашего привилегированного внимания к здравому смыслу российской социологии — это критерии, которые служат для различения позиций внутри дисциплины. Отличают ли представители старшего поколения себя и других по теоретической принадлежности, по политическим пристрастиям, общекультурным (прежде всего литературным) предпочтениям и т. д.? Можно сказать, что как и в любом интеллектуальном производстве, здесь работают все перечисленные принципы. Главное отличие мы обнаружим, если обратимся к их весу и рангу в общем списке. Непрофессиональный генезис дисциплины означает прежде всего исходное отсутствие делений, которые соответствовали бы специфическим правилам и ставкам, принятым в данной дисциплине. Профессионализации — процессу формирования собственных делений — предшествуют заимствования из внешних производств. Какие деления стали отправной плоскостью для советской социологической практики, учитывая что институционально первые шаги социологии нередко происходили в стенах философских учреждений? Были ли это философские различия, действовавшие в 1960-х: кантианцы/гегельянцы, диамат/теория познания, история философии/истмат-диамат? Или, быть может, советская социология структурировалась по образцу осваиваемых западных версий, т. е. в соответствии с действующими в них различиями позитивизма/феноменологии, системной теории/микросоциологии и т. д.?

С одной стороны, в социологической и социально-философской литературе на протяжении 1960-70-х мы обнаруживаем неоднократное возобновление полемики о предмете социологии, где иерархические притязания молодой дисциплины сталкиваются с монополией на социальную тео-

⁹ Интервью с Т. И. Заславской, там же, с. 140.

рию, закрепленной за истматом. В этом смысле, одной из оппозиций, отражавших собственное место социологии в ряду дисциплин, но также внутридисциплинарный порядок, была общая социальная теория/теория среднего уровня и прикладные исследования, где за официально и профессионально легитимной социологией был закреплен второй полюс¹⁰. С другой стороны, роль профессионального катализатора внутри дисциплины в 1960-х выполнил структурный функционализм, напрямую восходящий к теории систем Парсонса. Введенный в двойственном статусе: официально — как оптимизирующее дополнение, неофициально — как решительный контраргумент к «общей социальной теории» истмата, он выступил одновременно теоретической основой и отличительным знаком профессионализма в терминах 1960-х¹¹. Обособленный сектор производителей «критики буржуазных теорий», по своей логике более всего приближавшийся к истории философии, за редкими исключениями, не нарушал принципиального равновесия между истматом и системной теорией — именно в силу своей обособленности¹². Общая масса заимствуемых понятий и приемов интегрировалась в корпус знаний советской социологии помимо делений, действующих в западных социологиях, преимущественно в рамках системной и позитивистской (т. е. господствующей американской) модели дисциплины. Поэтому советская социология довольно быстро дистанцирова-

¹⁰ Ввиду значения темы и длительности ее разработки в советской социологии список литературы, пожелай мы его здесь воспроизвести, был бы огромен. Параллельно с открытыми публикациями в научной периодике существует пласт партийных и административных документов, предметом которых была теоретическая чистота социологии, борьба с различными «вредными влияниями» и обоснование оправданности той или иной теоретической интервенции (представление об этом дают сборники серии «Социология и власть», два выпуска которых опубликованы в издательстве «Academia» в 1997 и 2001 гг.).

¹¹ О чем сегодня свидетельствуют как непосредственные участники (см. интервью с В. А. Ядовым и Ю. А. Левадой, цит. соч.), так и нынешние наследники системного подхода (Чеснокова В. Ф. Предисловие // Парсонс Т. О социальных системах / Пер. с англ. под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. С. 3, 13-14).

¹² Этот сектор, изначально предназначенный решать двойственную задачу «идеологической борьбы» и реферативной работы (Записка директора ИФ АН СССР П. Н. Федосеева «Об организации научно-реферативной работы по современной зарубежной философии и социологии», 10 июня 1957 // Социология и власть 1953-1968 / Под ред. Л. Н. Москвичева. Сб. 1. М.: Academia, 1997. С. 36), оказался привилегированной позицией, приближающейся к новейшей истории философии (с самого начала реферативная работа «по современной зарубежной философии и социологии» являлась единой категорией (там же, с. 36)), за счет порога компетентности «критиков», задаваемого материалом: владение одним или несколькими иностранными языками, общая ориентация в пространстве социологических теорий и, одновременно, в философской классике, способность выразить в собственном тексте действующие теоретические различия, — что для советских социологов и даже философов поколений 1950-х и 1960-х было относительно редкими качествами. Вот реалистичное признание из той же записки: «Философских кадров, владеющих иностранными языками, у нас крайне мало, выписываемая из-за границы иностранная литература изучается недостаточно...» (там же, с. 36).

лась от собственно философских различий, но, имея в качестве латентной модели научности структурный функционализм, сдерживаемый официальным надстоянием истмата, не произвела *собственных теоретических делений*, которые соответствовали бы границам между западноевропейскими социологическими школами. Отраслевые деления (социология труда, социология образования, социология семьи и т. д.), производные от нужд управления и безразличные к вопросам метода, ни в коей мере не заменили теоретических различий. Но если не признаки теоретической и школьной принадлежности были решающими для союзов и расхождений внутри дисциплины, и если эта теоретическая неразличимость¹³ во многом сохраняет актуальность при изменившихся условиях у обладателей ключевых позиций, которые наследуют пионерскому эклектизму семинаров 1960-х — что же лежит в основе профессиональных предпочтений и что продолжает оказывать влияние на социологические классификации, используемые сегодня признанными социологами и их последователями?

Мы считаем важным подчеркнуть, что не было единого основания или неизменного набора оснований на протяжении всего советского периода существования дисциплины, который сам содержал существенные разрывы и принципиальную неоднородность как от одного периода к другому, так и от позиции к позиции¹⁴. Однако условия первичной институционализации социологии в 1960-х, ее место в символических иерархиях 1970-80-х, а также обстоятельства ее реконфигурации в период конца 1980-х–начала 90-х, когда ревизия политических принципов советского периода заострила напряжения, ранее сложившиеся в дисциплине, закрепили в качестве господствующих принципы и категории, напрямую заимствованные из практик политического господства. Неверно думать, что они полностью подменили собой все прочие, в частности интеллектуальные критерии, но их относительный вес, воплощенный в т. ч. в фигурах социологов-академиков РАН, т. е. на формальной вершине академического признания, оказался столь велик, что здравый смысл российской социологии и сегодня не испытывает нужды в строгих теоретических различиях, функцию которых по-прежнему выполняют расхожие политические деления.

¹³ В середине девяностых она «вдруг» стала очевидна для молодых социологов, которые позже по меркам коллективного времени дисциплины, но раньше в индивидуальном времени своей биографии и в иных институциональных условиях приобщились к американскому и западноевропейскому научному миру, откуда в 1950-60-е начали извлекаться и компоноваться элементы советской методологии.

¹⁴ Для примера можно взять такую значимую для старшего поколения точку отсчета, как смену дирекции ИКСИ в 1971-72 гг., произведенную отделом науки ЦК и резюмировавшую поворот в официальном определении социологии после пражской весны; или сложившееся уже к началу 1960-х гг. позиционное различие между, например, эмпирическими исследованиями трудовых отношений (в т. ч. в рамках социологических лабораторий при крупных промышленных предприятиях) и реферативной (историко-социологической) работой.

Проследить политическую генеалогию профессиональных категорий можно вплоть до самого основания социологических институтов. Можно вспомнить, например, что исследовательский институт (ИКСИ¹⁵, 1968) был создан десятилетием позже социологической ассоциации (ССА¹⁶, 1957), центральную роль в которой долгое время играла администрация философских учреждений и партийное руководство. Не заполненная исследовательской работой институциональная рамка была изначально обращена в пользу внешнеполитического представительства: она позволяла советским делегатам официально принимать участие в международных социологических конгрессах и представлять СССР в Международной социологической ассоциации¹⁷. В свою очередь, создание института одновременно с частичной легитимацией социологии как самостоятельной дисциплины институционализировало ее политическую функцию¹⁸. Иными словами, в советском контексте профессиональная социология не была изобретением молодых преподавателей времен университетского кризиса, как не была она и продуктом разрыва исследователей с корпусом схоластических дисциплин, что во многом можно было наблюдать во Франции 1950-60-х¹⁹. Институционализация социологии в игре интересов научной администрации и государственных императивов²⁰ делала ее политически определенной областью, не содержащей того резерва, который позволял бы, находясь внутри дисциплины, противостоять логике политических (само)определений.

¹⁵ Институт конкретных социальных исследований, в настоящее время Институт социологии РАН.

¹⁶ Советская социологическая ассоциация.

¹⁷ Ключевую роль в создании Советской социологической ассоциации сыграли политические принципы «усиления роли советских научных учреждений в деятельности международных научных организаций» и ознакомления «зарубежных социологов с нашей позицией по важнейшим вопросам общественного развития», что помешало бы «распространению клеветнической информации в отношении СССР, имевшей место на предыдущих Конгрессах» (Записка АН СССР о создании Советской Социологической Ассоциации, 26 декабря 1957 г. // Социология и власть, вып. 1, с. 38). В записке и приложении к ней приводится список институтов-учредителей: ИФ АН, Научно-исследовательский Институт труда при Комитете по труду и зарплате при Совмине СССР, Институт экономики, Институт права, еще четыре республиканских философских учреждения, а также кафедра философии МГИМО (там же, с. 40). В свою очередь, первые делегации, представлявшие «советскую науку» на международных социологических конгрессах, состояли преимущественно из научных администраторов, редакторов журналов, чиновников (Социология и власть, сб. 1, с. 22, 46-47, 58). Иными словами, принцип политического представительства от лица социологии первоначально находил прямое выражение и в профессиональном замещении исследователей виртуозами идеологии.

¹⁸ Интервью с Г. В. Осиповым // Российская социология 1960-х годов, с. 98-99.

¹⁹ Bourdieu P. Homo academicus. Paris: Minuit, 1984. P. 176-180.

²⁰ Которые служили как официальной основой, так и плоскостью отталкивания, столь необходимой для мягкой либеральной оппозиции.

Как и в 1960-е, сегодня признаки политической принадлежности, посредством которых социологи классифицируют себя и коллег, рассеяны в социологической литературе, предназначенной для внутреннего, т. е. внутрипрофессионального использования, начиная с публикаций в социологических журналах, сообщающих о результатах исследований, заканчивая недавно изданным словарем социологических персоналий²¹. Ближайшая история научных учреждений не менее, если не более плотно, чем публикации, заполнена политически значимыми фактами. Так, раскол Института социологии в самом начале 1990-х и выделение из него самостоятельного Института социально-политических исследований²² резюмирует не только внутрицеховую борьбу за власть, но и выраженные в этой борьбе политические оппозиции, воплощенные, в частности, в параллельном существовании двух программ работы института, которые давали различные «научные обоснования» и оценки политическим реформам середины-конца 1980-х²³. Пожалуй, наиболее явную проекцию принципов политического видения и деления в социологическую практику являет собой пример двух академиков, Т. И. Заславской и Г. В. Осипова, который отсылает к противоположным полюсам, наследующим политическому порядку конца 1980-х. Этот двойной пример стоит рассмот-

²¹ Вот яркий по своей политической маркированности фрагмент из словарной статьи о действовавшем на момент составления словаря директоре Института социологии В. А. Ядове: «В годы перестройки моральный и науч. авторитет Я[дова] сыграл определяющую роль в консолидации либерального крыла профессионального сообщества социологов. Он был активным участником преобразований, участвовал в подготовке новой, так и не принятой Программы КПСС. В 1988 на волне демократизации общественной жизни Я[дов] был избран директором Ин-та социол. АН» (Социологи России и СНГ XIX-XX вв. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 354). Столь же маркирующей является формулировка, различающая позиции в терминах политического поворота конца 1980-х десять лет спустя: «Они [социологи] решительно отвергли первоначальную идею Генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева о форсированном переходе к коммунистическим принципам распределения и поддержали идею перехода к рыночной экономике. ... Концепция основывалась на демократически узаконенной идее социальной стабильности и социального порядка» (Осипов Г. В. Институт социально-политических исследований РАН на службе отечеству и науке // www.ispr.ru/10LET/10let.html). Демонстрируя общность господствующих профессиональных (проперестроечных) диспозиций конца 1980-х, эти характеристики спустя десятилетие одновременно проводят границу между теми, кто принимает определение «активных участников преобразований», и теми, кто рассматривает себя (и социологию в целом) как здоровую оппозицию радикализму государственных реформ. Принципиально важно, что в течение десятилетия политические деления конца 1980-х в более или менее ретушированной форме продолжают сохранять актуальность в отношении социологов и администраторов, обязанных распределением своих постов политическому повороту того периода.

²² Директорские посты в которых в 1991 г. занимали, соответственно, В. А. Ядов и Г. В. Осипов. Несколько подробнее об этом говорится далее.

²³ См., в частности: Осипов Г. В. Институт социально-политических исследований РАН на службе отечеству и науке, там же.

реть внимательнее, имея в виду особое значение, которое приписывает научный здравый смысл высшим академическим позициям, и то влияние, какое эти позиции имеют на научный здравый смысл.

В рамках настоящей работы мы не рассчитываем сколько-нибудь подробно проанализировать весь набор классификаций, предложенный обоими авторами-академиками для упорядочения социального мира. Пожелай мы проделать эту работу со всей старательностью, в конечном счете мы могли бы получить весьма странный результат, поскольку по своему замыслу эти классификации не ограничиваются описанием и объяснением, а значит, взятые сами по себе, т. е. извлеченные из прагматического контекста, лишаются смысла, вернее, лишаются той особой ясности, которая гарантирует им смысл помимо них самих. Мы поступим иначе. Мы рассмотрим несколько представительных примеров, которые работают одновременно как социологические определения и как маркеры позиции — внутри дисциплины, но также и прежде всего в политическом спектре, который и гарантирует ясность этих на первый взгляд логически шатких определений. А затем погрузим эти смысловые переменные в биографический контекст, который превращает их в социальные константы, но позволяет нам прояснить их социальный генезис.

Политическая демаркация и академическая иерархия

В ряду признанных социологических разработок Т. И. Заславской одно из центральных мест занимает концепция «социально-трансформационной структуры российского общества». Ее базовой формулой является: правящая элита и верхний слой бюрократии/средний слой/рядовые граждане²⁴. Более полная классификация не сводится к простой детализации; элементарный состав социальной структуры исчерпывается по иным основаниям: государственные силы, олигархические силы, либерально-демократические силы (включая независимых профессионалов, либерально-демократическая часть базового слоя, представителей бизнес-слоя), социал-демократические силы (социально-демократическая часть профессионалов, социально-демократическая часть массовой интеллигенции и рабочих), национал-патриотические силы ([реакционная] верхушка коммуно-патриотов, консервативная часть директорского корпуса, не сумевшие адаптироваться рабочие, служащие и крестьяне), противоправные силы (лидеры уголовной экономической преступности, коррумпированная бюрократия среднего уровня, рядовые участники организованной преступности) (с. 525-538). Что объединяет две отчетливо различающиеся классификации, которые фигурируют под одним именем

²⁴ Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002. С. 499. (Далее в тексте указания страниц даются по этому изданию).

и единым концептуальным обозначением? Отвечая на этот вопрос структуралистски, т. е. выявляя третью, глубинную или опосредующую классификацию, мы продвигаемся в понимании механики профессионального здравого смысла, который допускает подобное отождествление, одновременно отличающее обе эти классификации от прочих возможных.

Самый простой прием, встроенный в функционирование любой академической (университетской) институции, состоит в переопределении актуальной классификации кандидата в классики через наиболее чистые и исторически легитимные основания. Пожелай мы самым законным образом польстить автору, одновременно указав на его сопричастность традициям русской социологии (что с середины 1990-х становится все более модным), мы могли бы, со ссылкой на работы П. А. Сорокина²⁵, обнаружить в приведенных классификациях различие статики/динамики. В самом деле, если краткая формула опирается на хрестоматийную триаду, тяготеющую к статичному представлению сословий, то развернутая типология гораздо более динамична и явственно затронута злобой дня. Однако при кажущейся объяснительной силе, это указание ничего не объясняет. Более того, оно маскирует логику совмещения элементов внутри одной классификации, как и соотношение между собой элементов обеих. Что отделяет средний слой от рядовых граждан, соответствует ли средний слой социал-демократическим силам, а рядовые граждане – противоправным силам, на каком общем основании либерально-демократические силы отделяются от государственных или противоправных? Принципиальные вопросы, обращенные к порождающему механизму классификации, остаются без ответа. Сама же конструкция авторского текста не предполагает обоснования подобной социальной феноменологии, поскольку обладает самореферентным характером, т. е. отравляет к исходной сетке делений как к чему-то само собой разумеющемуся, детализируя ее, но не соотнося с каким-либо внешним порядком (например, с данными эмпирических исследований), который мог бы служить проясняющим контекстом. Иными словами, пожелай мы воспользоваться стандартным приемом историко-социологической агиографии, мы еще сильнее сгустили бы тени над и без того логически непрозрачной схемой.

Но как только, покинув почву институциональной риторики, мы выходим за рамки собственно социологических ожиданий и привлекаем к объяснению политические деления, недостающий смысл немедленно восстанавливается. Что отличает «средний слой» от «рядовых граждан»? Место в иерархии политических ценностей и лозунгов: средний класс (иначе: средний слой) – форс-идея Нового порядка первой половины

²⁵ А не на О. Конта, из чьих работ эта оппозиция перенесена в сорокинские тексты: ссылка на Конта маркировала бы скорее генеалогическую моду начала 1990-х, снятую, но не окончательно отмененную модной генеалогией середины 1990-х.

1990-х, связанная с надеждой на быстрый экономический рост, вхождение в цивилизованный мир, необратимость Перехода. Между тем, «рядовые граждане» — традиционное клише господствующего, т. е. «нерядового» взгляда сверху, который принадлежит третьей (первой по счету) позиции в краткой формуле социальной структуры. К ней же недвусмысленным образом обращена и работа самого социолога: «Естественной функцией ученых-обществоведов является *научное консультирование* тех, кто облечен правом так или иначе экспериментировать над обществом» (с. 556 [Курсив наш. — А. Б., С. Г.]). Таким образом, внешне алогичная и явственно элитистская типология, преподносимая от имени науки, выводится из практического назначения социологии и того места, которое социолог рассчитывает занимать в им самим описанной структуре. Проекция роли глашатая Нового порядка преодолевает границу статики/динамики, запечатлеваясь в «природе» профессии и в историко-предсказательном измерении текста²⁶.

Что касается второй, детализированной типологии, не остается сомнений в том, что она напрямую строится на политических различиях, которые, при этом, не имманентны взгляду с высших социальных позиций, но совпадают со здравым смыслом добропорядочного читателя либеральной прессы. Здесь мы обнаруживаем повтор основных тем и типов, представленных в СМИ: государственная бюрократия и олигархи, либералы и коммуно-патриоты, здоровые и криминальные силы общества, — но явным образом иерархизированных, принудительно расположенных между высшим и низшим (отрицательным) полюсами. Принципом связности классификации выступает политическая шкала, признанная основными политическими игроками, в чьих интересах она производится и преобразуется. Еще более явно политическая маркировка — знак тяготения к господствующей позиции через выражение лояльности к господствующему порядку — обозначена в своеобразном кредо ангажированного теоретика социальной структуры: «Согласно моему представлению, тип современного общества определяется качеством в первую очередь четырех базовых институтов, а именно: власти, собственности, гражданского общества и прав человека. Говоря более конкретно, от: а) степени легитимности, демократизма и эффективности власти; б) развитости, легитимности и защищенности частной собственности; в) многообразия и зрелости структур гражданского общества; г) широты и надежности прав и свобод человека» (с. 497). Целям политической маркировки позиции в дисциплине здесь служат не только явственно политические категории «гражданского общества» и «прав человека», используемые в качестве теоретических, но и по-

²⁶ Вот основная дилемма, которую автор, как социолог и как политический оракул, ставит перед трансформирующимся обществом: повышение эффективности институтов/их архаизация и криминальное извращение (с. 502).

литическое прояснение даже тех категорий («власть», «собственность»), за которыми традиционно закреплено собственное научное значение, вернее, набор научно легитимных смысловых различий.

Можно ограничиться подобным примером классификации в сопровождении нескольких показательных цитат, чтобы дать образец социологии, продуктивное воображение которой приковано к вершине академической и политической иерархии. Однако наш анализ почти сам собой продвигается еще на один шаг в сторону условий профессионального суждения, когда мы сталкиваемся с обнажающей ясностью профессиональной саморефлексии, или самоклассификацией, которую предлагает автор. Наряду с косвенной политической самообъективацией в работах Т. И. Заславской присутствуют прагматические отсылки, напрямую привязывающие профессиональную телеологию и деонтологию к текущим политическим задачам: императив «содействовать повышению социальной эффективности реформ» (с. 556); указание на «преимущественно гражданскую, демократическую направленность социологических исследований» (с. 552); или озабоченность «проблемой демократической ориентации экономики в условиях современной России» (с. 139). Ввиду подобных самохарактеристик крайне показательное определение социологии социологии, которая в своей наиболее рефлексивной и одновременно практической реализации выступает основным инструментом пересмотра и обновления метода, указывая исторический (институциональный) предел его объяснительной силы²⁷. Наличие и структура этой зоны, критической для автономии дисциплины, может служить индикатором автономии научного мышления, которое фокусирует и переопределяет вовлекаемые в профессиональный текст внешние деления во внутринаучные²⁸. В версии Заславской социология социологии также предназначена для коррекции социологического *modus operandi*, но сам он при этом напрямую определяется через высшие ставки участия социолога в политической игре: «Если мы хотим, чтобы наша наука была *действительно полезной и нужной*,

²⁷ См.: Bourdieu P. Homo academicus, гл. 1 (см. тж. Авторское предисловие к английскому переводу: Bourdieu P. Homo Academicus. Cambridge, Polity Press, 1990).

²⁸ Мы делаем этот ход в развитии тезиса Бурдьё о свойствах автономного поля, которое преломляет и переопределяет все внешние влияния в собственной структуре, обеспечивая одновременно пространство возможного и эффекты цензуры (Bourdieu P. L'ontologie politique de Martin Heidegger, гл. 1, 4). Если вовлеченность в поле, через интериоризацию его структуры, формирует релевантный полюс габитус, то автономии поля, обеспеченной спецификой ставок и механикой признания, которая принуждает переводить внешние влияния во внутренние легитимные операции, соответствуют требование и способность «автономного мышления», т. е. такая схема порождения профессионального результата (текста), которая принципиальным образом перегруппирует и преобразует внешние проекции во внутрипрофессиональный язык и задачи. В этом случае социология социологии выступает объективированной (методически выраженной) формой подобного автономного мышления.

то также обязаны систематически оценивать, обсуждать и, если надо, *корректировать свое участие в трансформации России*» (с. 547 [Курсив наш. — А. Б., С. Г.]). Иначе говоря, зоной социологической трансценденции, где ученый покидает границы рутинно практикуемого метода с целью их пересмотра, является не история дисциплины и не ее эпистемологические основания, но позиция в политическом пространстве, которая определяется набором либерально-реформистских постулатов, отсылающих к началу 1990-х. Именно такое отсутствие схемы научного самоопределения, место которой занято политической схемой, обеспечивает как самому автору, так и его читателям возможность наивно политического совмещения научно гетерономных элементов в пределах одного текста. И лишь признание автора одним из наиболее легитимных социологов способно оставить в тени эти прямые указания на источники его творческого вдохновения, которые невидимы прежде всего тем, кто сам «естественным образом» разделяет заявленные политические принципы.

Г. В. Осипов не выдвигает самостоятельного проекта социологии социологии. Однако его декларации от лица всей дисциплины имеют столь же ясную прагматическую привязку: «Цель социологии — служить истине, народу, обществу. Но ее итоги, подобно результатам физических исследований, могут служить и добру, и злу»²⁹. В отличие от текстов Заславской, адресованных политикам-реформаторам, здесь явным образом задана фигура народа (т. е. социальный низ по отношению к политическому верху), а сама роль социологии представлена как этически амбивалентная³⁰. Что означает эта игра с воображаемыми референтами, и каков смысл различия в определении миссии социологии? Буквально прочитанная, формула Осипова кажется произвольным риторическим приемом, но она приобретает удивительную ясность, если вновь восстановить политические деления, в которых определяют себя оба автора и которые определяют их в отношении друг друга. Если для Заславской ключевыми пунктами прежде всего политического, но также и социологического самоопределения выступают понятия *гражданского общества, либеральных реформ, демократической экономики*, то для Осипова главным противовесом «основным идеям как государственно-бюрократического социализма, так и рыночно-потребительского капитализма, а также духовной деиндивидуализации, авторитаризма

²⁹ Осипов Г. В. Социология и политика. М: Институт социально-политических исследований, 1995. С. 126. (Далее в тексте ссылки даются по этому изданию, с указанием одних только страниц.)

³⁰ Размышляя о состоянии российских социальных наук, Заславская склонна видеть недостаток не в их этической неопределенности, а в их недостаточной утилитарной силе: «Российские обществоведы были не готовы к научному анализу событий, связанных с перестройкой и последующим развитием страны. У них (или точнее, у нас) не было даже предварительного варианта программы социальных преобразований, которые следовало реализовать с помощью демократической власти» (с. 553).

и прочих могла бы стать новая триада идей: *духовность, народовластие и державность*» (с. 17 [Курсив наш. — А. Б., С. Г.]). Иными словами, в оппозиции «рыночно-потребительскому капитализму», создателем которого среди прочих является либерал Заславская (как и остальным ненаучным, но научно значимым форс-идеям³¹), Г. В. Осипов обозначает свою позицию как консервативно-охранительную, не пренебрегая явственным консонансом с уваровской триадой «самодержавия, православия, народности».

Как и у Заславской, в (само)классификациях Осипова гетерономность оснований скрадывается политической определенностью позиции. Подобно тому, как Заславская обозначает свою социологическую позицию через озабоченность успехом «либерализации и демократизации российского общества» (с. 447), Осипов задается столь же отчетливо политическим вопросом: «Каковы средства возвращения на естественноисторический путь строительства социализма?» (с. 35). Самоопределение столь же четкое, сколь и противоречивое, принимая во внимание цитированную выше триаду. Что же обеспечивает безболезненное совмещение социализма и державности? Механизм аналогичен тому, что действует в работах Заславской: сцепление разнородных элементов происходит в пространстве политического здравого смысла, но здесь допустимость и устойчивость сцепления гарантирована не правительственным курсом реформ, а охранительно-революционной идеологией КПРФ, т. е. вторым крупным центром политической гравитации начала 1990-х. Наличие в социологии Осипова столь же реального, как и у Заславской, политического адресата (помимо и вместо мифического «народа») хорошо объясняет наивное сближение диагноза от лица науки со здравым смыслом политической оппозиции: «Современная ситуация в России характеризуется *тяжелейшим кризисом, охватившим все сферы жизнедеятельности общества... Попытки выйти из кризиса с помощью радикально-либеральных реформ закончились провалом, который сегодня очевиден всем...*» (с. 6 [Курсив наш. — А. Б., С. Г.])³². Средства магического превращения политических лозунгов в социологические посту-

³¹ Явственно политический разрыв с целым спектром политических идеологий, а также противоречие между отказом давать политические «рецепты» от лица социологии (с. 6) и отчетливо предписательным характером вводимых классификаций, крайне симптоматичны. Они указывают одновременно на формальное наличие научной цензуры по отношению к политическим императивам в рамках дисциплины и ее обратимость в рутинной социологической практике, в особенности отправляемой с высших академических позиций.

³² В целом, попытка доказать от лица социологии истинность лозунгов, находящихся в текущем политическом обороте, одинаково характеризует стратегии обоих академиков, с поправкой на различие позиций в политическом спектре. Если Заславская обосновывает истину реформ, то Осипов обеспечивает социологической риторикой их несостоятельность: «Из анализа материалов и статистических данных 1989 года следует вывод о глубоком социальном кризисе, поразившем тогдашнее общество» (с. 6). Как и в случае Заславской, подобные утверждения не нуждаются во внешних референтах (самих цифрах): предполагается, что статистический анализ и расхожее политическое ощущение ведут к одно-

латы также разнятся: если в риторике Заславской, излагающей правительственный курс, преобладают дидактические мотивы, то в риторике Осипова, озвучивающего постулаты оппозиции — обличительные. Так, в качестве инструмента прямой политической атаки Осипов пользуется демифологизацией, предлагая, в пик политической «рецептам» (т. е. рецептам реформаторов), критику распространенных в современной России политических мифов³³. Присвоив списку либеральных форс-идей статус мифов (с. 5-16), он обращается не к условиям их формирования и/или функционирования, в чем заключалось бы легитимное научное использование критики мифа, а к иной, своего рода «оздоровляющей» мифологии, воплощенной в уже упомянутой триаде. В этом смысле, видимая цель классификаций, производимых с противоположных полюсов политического спектра от лица социологии, остается общей: диагностика с целью управления.

Констатация «провала реформ», как и прямой поворот социологии к обманутому реформаторами «народу», прямо противопоставленный либеральному кредо и элитистским притязаниям социологии Заславской — оппозиция не только идеологическая, но и техническая, присутствующая на уровне средств выражения политических постулатов и даже оформления публикаций³⁴. Посредством явных политических маркировок и самого публицистического стиля, разрывающего с высокой схоластикой либеральных экспертов³⁵, а взамен эксплуатирующего страстную риторику мифа и разоблачения, Г. В. Осипов словно сознательно располагает себя на том месте, которое в модели социальной структуры Заславской непосредственно прилегает к негативному полюсу — в ячейке «национал-патриотические силы». В силу специфики стиля у Осипова отсутствует претендующая на полноту классификация социальной структуры, подобная форму-

му и тому же результату, а потому высокоученый текст является лишь подтверждением политических интуиций в их наиболее простых и доступных формах.

³⁴ Яркий пример — оформление книги «Социология и политика»: непропорциональное смешение трех языков (немецкого, русского, английского) на обложках и титульном листе, дважды повторенный эпиграф (крупным шрифтом и помельче), неакадемический стиль агиографии в статье об авторе, подписанной «Издатель», указание копирайта немецкого издателя наряду с личным копирайтом Осипова, хотя сборник издан под грифом академического института... Все эти признаки указывают, что книга адресована прежде всего не коллегам по цеху, а широкой публике и политикам, которых можно смутить подобными знаками неясной учености и неведомого признания.

³³ Тема критики мифов, наследуемая из текстов сборника 1995 г., получает самостоятельное развитие в недавно выпущенной книге: *Осипов Г. В.* Социология и социальное мифотворчество. М.: Норма, 2002.

³⁵ В качестве примера можно привести типологию «трансформационного поведения» у Заславской, в виде таблицы 3x4 по целям и функциям, где только 8 из 12 типов «имеют социологический референт», поскольку «регрессивные и разрушительные стратегии являются деструктивными по определению» (*Заславская Т. И.*, цит. соч., с. 510-515); или попытку построить четкое логическое различие «переход или трансформация?» (с. 89).

лам Заславской, однако он не менее четко определяет занимаемое ею место в политическом универсуме. Действительная степень знакомства обоих авторов с работами друг друга не столь уж важна. Более существенным в этой взаимной инверсии является то, что, определяя себя через противоположные политические принципы, оба академика изъясняются на общем языке политических реалий начала-середины 1990-х гг., одинаково точно размещая в единой классификации себя и своих противников.

Более того, представление о кардинальной оппозиции между авторами в пространстве дисциплины, основанной на целом ряде решающих различий, будет преувеличенным, если не принять во внимание общих моментов, помимо их способа (само)определения в единой системе политических координат. Поддавшись соблазну тотального противопоставления, можно, например, предположить, что, обращаясь к новому политическому схематизму, Заславская «естественным образом» разрывает и с догматикой советской социологии, тогда как Осипов не менее «естественно» склонен ее канонизировать. На деле, связь между социологической и политической догматикой в поздних текстах обоих авторов выражена в более умеренной форме³⁶. С одной стороны, оба признают в советской социологии компромиссное образование. С другой, генетически (само)определяясь через «советскую социологическую традицию», они не только не выносят окончательных (политических или научных) вердиктов, но и демонстрируют ее актуальность. Более удивителен случай Заславской, которая явным образом обосновывает научную ценность вводимых классификаций через систему спасительных тождеств: «Понятие социетальный тип общества, на наш взгляд, синонимично понятию общественное устройство, эмпирическим референтом которого служит система общественных институтов» (с. 446 [Курсив наш. — А. Б., С. Г.]³⁷). Не менее показательным, что оба автора одинаково описывают прагматический контекст социологии конца 1980-х — что заставляет рассматривать этот период как исходную линию, с которой и разворачивается решающее политическое противостояние. Оценки нынешних политических противников этого периода (внутри него и по отношению к нему) содержат гораздо больше общего, чем противоположного³⁸.

³⁶ Далее мы обратимся к одной из попыток канонизации советской социологии, которая была произведена из позиции, если не совпадающей напрямую с либерализмом Заславской, то, по крайней мере, с ним согласующейся.

³⁷ Понятия «общественное устройство» и «система общественных институтов» — конвенциональные знаки советской социологии, здесь безболезненно вписанные в оппозицию общих понятий/операциональных определений, также унаследованную из советской методологии конкретных социологических исследований — напрямую отождествляются с модным (отличительно «современным») термином 1990-х «социетальный».

³⁸ Вплоть до буквальных соответствий. Вот, например, цитата, начало которой столь же отчетливо объединяет обоих авторов, как их разделяет ее окончание: «Отсутствие научно

Сопоставив политически маркированные диагнозы и самоопределения, присутствующие в работах двух академиков, мы оказались перед фактом использования политических демаркаций в качестве высшей формы социологического различения. Однако политика, предъявляющая себя от лица социологии, не объясняет саму себя. Какие социальные условия сделали возможной подобную политическую наивность, возведенную на высшие ступени академического престижа — в полном противоречии с правилами интеллектуальной игры, систематически скрывающей и эвфемизирующей свои политические ставки?³⁹ Чтобы сэкономить место и время, можно было бы ограничиться констатацией простого несоблюдения правил игры в рамках дисциплины или, по крайней мере, о господстве политических ставок над научными. Прецедент критического анализа работ Т. И. Заславской, как отдельного случая, задающего парадигму экономической социологии, уже имеется в отечественной литературе⁴⁰. Описывая пример социолога, практически вовлеченного в политику и принимающего на себя предписательные и представительские функции, Ю. Л. Качанов показывает, что выстраивание социальной аксиоматики (в частности, конструирование категории «предприниматели») происходит на основе политических предпонятий и обыденных верований — за границами собственно социологического мышления. Однако уязвимость проделанного анализа, где критика отдельного случая ведется на языке онтологических универсалий, состоит в излишней подвижности разрозненных фактов и фрагментов текста в широкой теоретической рамке. Более действенным инструментом нам представляется обоюдоострый анализ, т. е. обращение, наряду с текстами, к самим социальным условиям, гарантирующим политически наивному мышлению имя социологии. Подобно демифологизирующим «Мифологиям» Р. Барта, отчасти мистифицирующим обыденное сознание через его частичное воссоздание в каждой из заметок, теоретическая критика случая рискует сохранить иллюзию уникальности такового, т. е. оставить в тени те общие социальные основания, которые делают этот случай неслучайным. На наш взгляд, социальный смысл дискурсивной, но также и всей профессиональной стратегии Заславской проясняется при помощи реляционного анализа: через ее соотнесение со стратегией Осипова, т. е. через сопоставление близких по весу позиций, а их обеих — через соотне-

разработанных теорий основ перестройки и ее конструктивной программы в конечном счете способствовало тому, что на смену одним социальным мифам пришли другие» (Осипов Г. В., цит. соч., с. 177 [Курсив наш. — А. Б., С. Г.]). Ср. с цитированными оценками Т. И. Заславской роли социологии в практике реформ.

³⁹ Об эвфемизации политических оснований интеллектуального производства и научной самооценке см.: Bourdieu P. L'ontologie politique de Martin Heidegger, гл. 4.

⁴⁰ Качанов Ю. Л. «Экономическая социология» в контексте политики // Журнал социологии и социальной антропологии, № 4, 1998; Качанов Ю. Л. Социологический casus: «социальная группа предпринимателей» // Социс, № 9, 1999.

сение с общей силовой и смысловой структурой дисциплины, которая и является *механизмом порождения всех частных случаев*.

Что представляет собой эта структура для обоих? Обратившись к подробностям социологических карьер двух академиков, можно сказать, что она не была одинаковой для каждого из них, вернее, они прошли через ритмически и пространственно различающуюся последовательность зон, прилегающих к ней и/или ставших ее частью. И одновременно, точки пересечения и режим нахождения в разное время в одних и тех же или структурно подобных институциональных позициях обнаруживают механизм работы этой общей структуры, нашедшей отражение в общности целого ряда высказываний у этих политических антиподов.

Социологическая карьера Заславской была, по ее собственному признанию, во многом случайной и неокончательной; центральным для нее было и остается самоопределение экономиста, тогда как признание в качестве социолога стало эффектом институционального размещения⁴¹. Научную траекторию Заславской на всем ее протяжении характеризует то, что социологические элементы карьеры следуют за карьерной линией экономиста и научного администратора. Окончив экономический факультет МГУ (1950), она поступает в аспирантуру и работает в Институте экономики АН СССР (1950-63), затем соглашается переехать в формирующийся Новосибирский Академгородок (1963-88), где работает в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН под руководством А. Г. Аганбегяна, защищает докторскую диссертацию по экономике (1965), возглавляет отдел социальных проблем Института (1967) и избирается сначала член-корреспондентом АН СССР (1968), а затем академиком (1981) по отделению экономики. В 1983 г., вслед за публикацией в США и ФРГ доклада под грифом ДСП⁴² о недостатках в функционировании советского аграрного сектора, Заславская (и Аганбегян, патронировавший проект), получают партийный выговор, однако это не сказывается на административ-

⁴¹ См. приведенную выше цитату и весь текст: Интервью с Т. И. Заславской // Российская социология 60-х (а также ее текст об истории новосибирской школы на: icie.nsc.ru/~tokos/nesch), описывающую интеллектуальную биографию, далекую от решительного социологического самоопределения. Вот, например, свидетельство неохотного согласия занять в конце 1960-х пост руководителя отдела социальных проблем в Новосибирском институте экономики и организации промышленного производства: «Ведь в 1968 году меня выбрали членкором Академии по экономике, а не по социологии... В экономике я была известным ученым, а в социологии – почти нулем» (с. 141). И т. д. – вплоть до середины 1990-х – основные этапы карьеры, нередко представленные в пассивном залого: «мне было предложено...», «я согласилась...», «нелегко было начинать...»

⁴² «Для служебного пользования»: литература, изданная под этим грифом, публиковалась ограниченным тиражом, экземпляры нумеровались и распределялись по специализированным отделам библиотек, откуда предоставлялись читателям при наличии специального разрешения (которое, впрочем, судя по свидетельствам социологов старшего поколения, было совсем не трудно получить для работника академического учреждения).

ном положении академика⁴³. Основные темы публикаций с середины 1960-х до середины 1980-х гг.: стимулирование сельского труда, мобильность и миграция сельского населения, социально-экономическое развитие села, социально-экономическая типологизация сельских поселений⁴⁴. Номинальное превращение в социолога можно датировать достаточно точно: в 1966 г. Заславская вместе с двумя другими новосибирскими коллегами участвует в VI международном социологическом конгрессе как официальный делегат от СССР⁴⁵. В 1984 г. она возглавляет журнал «Известия СО АН: серия экономики и прикладной социологии»; с 1972 по 1986 гг. является вице-президентом Советской социологической ассоциации, а в 1986 г. становится ее президентом и переезжает в Москву (1988)⁴⁶.

С этого момента академик с либеральными политическими взглядами занимает пост директора ВЦИОМа⁴⁷, сообщающего рейтинг президента СССР лично Горбачеву, чьим экономическим советником тогда же становится Аганбегян; депутатское кресло на либеральном фланге Верховного

⁴³ И одновременно, это способствует более ясному позиционированию Заславской в политическом пространстве, что приносит с политическим поворотом ощутимые дивиденды: «[Это] привлекло к новосибирской экономической социологии такое внимание, о котором и не мечталось. ... Эта история способствовала не только чисто научному, но и идейно-политическому сплочению коллектива, формированию у большинства его представителей четкой социально-реформаторской позиции» (Заславская Т. И. Изучение механизмов социальных процессов (1981-1985) // ieie.nsc.ru/~rokos/nesch/hist_ch4.htm).

⁴⁴ Как самостоятельная отрасль экономическая социология, функционировавшая в советский период в виде изучения социально-экономических показателей, прогноза и регуляции развития села и т. д., институционализируется вместе с (вслед за) политическим поворотом середины 1980-х. Переопределение получает окончательную форму в книгах: Экономическая социология и перестройка / Под ред. Т. И. Заславской и Р. В. Рывкиной. М.: Прогресс, 1989; Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991. Они последовали за публикацией двух более ранних статей: Заславская Т. И., Рывкина Р. В. О предмете экономической социологии // *Общественные науки и современность*, № 9, 1986; Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Экономическая социология: новое научное направление // *Будущее науки*, Вып. 19. М.: Знание, 1986. Факт прямой связи между институционализацией новой отрасли и политическим поворотом подтверждает и сама соосновательница: Заславская Т. И. Новое научное направление — экономическая социология (1985-1990) // ieie.nsc.ru/~rokos/nesch/hist_ch5.htm.

⁴⁵ «Не могу сказать про других, но на мои научные ориентации это событие оказало громадное влияние. Перед нами, по существу, предстал новый «социологический мир» — огромный, пестрый, невероятно интересный, увлекательный, к тому же до тех пор нам мало известный» (Заславская Т. И. Истоки новосибирской социологии (1959-1966 гг.) // ieie.nsc.ru/~rokos/nesch/hist_ch1.htm).

⁴⁶ Отдельные биографические сведения можно найти в: Научная элита. Кто есть кто в РАН. М.: Гласность, 1993; Социологи России и СНГ XIX-XX вв. М.: Эдиториал УРСС, 1999; Интервью с Т. И. Заславской // *Российская социология 60-х годов*; а также на сайте УрО РАН на сайте НЭСШ ieie.nsc.ru/~rokos/nesch/HistInd.htm; Шабанова М. А. Татьяна Ивановна Заславская. Творческая биография: Российское общество сквозь призму социологии.

⁴⁷ Всесоюзный центр общественного мнения.

Совета СССР; кресло в комиссии Верховного Совета СССР по труду, ценам и социальным вопросам; в Высшем консультативно-координационном Совете при Президенте РФ (1990-92); а также публикует несколько монографий и многочисленные тексты в научных и популярных изданиях (в т. ч. в Англии и США), разъясняющих смысл реформ в России. Таким образом, она воплощает своей траекторией образец карьеры экономиста, напрямую конвертировавшего приобретенное в советский период научно-административное положение в позицию эксперта высшего уровня при Новом порядке. Удачное размещение на престижной периферии (Новосибирск), смягчающее жесткость междисциплинарных и одновременно политических императивов, действующих в центре (Москва, Санкт-Петербург); использование социологии как профилирующего дополнения к экономической карьере; редкое (в особенности для женщины) и относительно раннее избрание в АН как экономиста, освящающее и усиливающее ее признание как социолога; удачное обращение академических регалий в околополитические посты — признаки успешной полицентричной карьеры, отнюдь не исключая систематических усилий и напряженной борьбы, но доказывающей, что место главного социолога Перехода, т. е. наиболее известного социолога конца 1980-х и начала 1990-х, является *продуктом* самого этого Перехода и во многом независимо от собственно социологических намерений и практик его обладателя.

Социологическая карьера Г. В. Осипова, несмотря на ее стремительный старт и восходящий характер, в сравнении с траекторией Т. И. Заславской содержит несколько ощутимых сбоев — в особенности если соотносить ее со значительными личными инвестициями, вложенными им в самостоятельную административную структуру социологии, центральное место в которой он рассчитывал занимать⁴⁸. При этом показательным отличием в сравнении с биографическим повествованием Заславской является активный залог высказываний об этапах своей социологической карьеры⁴⁹. Различие пассивного/активного «я» социологической карьеры

⁴⁸ Отдельные биографические данные, зачастую более лаконичные или расплывчатые, чем в случае Т. И. Заславской, можно найти в: Научная элита. Кто есть кто в РАН. М.: Гласность, 1993; Социологи России и СНГ XIX-XX вв. М.: Эдиториал УРСС, 1999; Интервью с Г. В. Осиповым // Российская социология 60-х годов; Пугачева М. Г. История создания Советской социологической ассоциации // rss.isras.ru/CCA_Hist.htm; на страницах Института социально-политических исследований www.ispr.ru/osipov.html и www.ispr.ru/10LET/10let.html.

⁴⁹ В отличие от Заславской, «принимавшей предложения», Осипов определяет себя через активное «я»: «я организовывал», «я пытался сделать из них социологов», «мы стремились привлечь» и т. п. (Интервью с Г. В. Осиповым // Российская социология 1960-х). Не менее показательным, что при этом в биографическом повествовании Осипова отсутствуют отсылки к собственному непрофессионализму, напротив: самоопределение социолога, производимое через организованные им социологические институты, предстает чем-то само собой разумеющимся.

ры представляется нам напрямую связанным со стратегией профессионализации. При политической сверхопределенности социологических классификаций стратегия параллельной профессионализации, как кажется, обеспечивала даже больший успех в социологии, нежели преимущественная и постоянная ставка на место социологического администратора.

Окончив МГИМО со специализацией по международному праву (1952), Г. В. Осипов поступает в аспирантуру Института философии (ИФ АН), в стенах которого (1953-68) восходит по ступеням административной и социологической карьеры: становится ученым секретарем и секретарем комсомольской организации института, участвует в организации Международной конференции социологов в Москве по вопросам мирного сосуществования (1958), занимает должность замдиректора института, возглавляет сектор исследований новых форм труда и быта (1960-68), защищает докторскую диссертацию по философии (1964). В качестве администратора ИФ АН и руководителя социологического отдела участвует в подготовке проекта ССА, становится сначала ее вице-президентом (1958-66), а затем президентом (1966-72)⁵⁰. В 1966 под редакцией Осипова выходит двухтомный титульный сборник «Социология в СССР», приуроченный к проведению VI международного конгресса⁵¹, который содержит представление основных отраслей советских исследований и критико-реферативную часть. В целом, до 1968 г. траекторию молодого замдиректора ИФ АН можно характеризовать как расширение зоны административной компетенции через институционализацию новой дисциплины. Административная карьера замедляется в 1968 г., когда при активной подготовительной работе Осипова создается ИКСИ АН⁵², где он рассчитывает занять директорский пост, но получает пост замдиректора, наряду с извне назначенным замдиректором, спичрайтером Хрущева и политическим публицистом Ф. М. Бурлацким⁵³. В 1970 г. официальной критике подвергнут вышедший под редакцией Осипова сборник «Моделирование социальных процессов» (1968). Смена руководства ССА⁵⁴ в 1972 г. также сопровождается административной дисквалификацией: Осипов обвиняется в финансовых нарушениях. Однако он сохраняет пост замдиректора ИК-

⁵⁰ В 1966, на том же собрании ССА, на котором Г. В. Осипов избран ее президентом, сектор исследований новых форм труда и быта было предложено преобразовать в отдел конкретных социологических исследований, ввиду его дальнейшей реорганизации в самостоятельный институт. Предложение было принято Президиумом АН СССР, тогда же был создан Научный Совет по проблемам конкретных социальных исследований при Президиуме АН, заместителем которого также стал Осипов.

⁵¹ Сборник распространяется в т. ч. среди зарубежных социологов, участвовавших в этом конгрессе, а впоследствии переиздается в Англии, в расширенном виде.

⁵² Институт конкретных социальных исследований.

⁵³ Интервью с И. В. Бестужевым-Ладой // Российская социология 1960-х, с. 166.

⁵⁴ Советская социологическая ассоциация.

СИ, который занимает до 1991 г. До середины 1980-х гг. основные темы его публикаций: роль техники и автоматизации в общественном прогрессе, математические методы в социологии, критика буржуазных социологических теорий, методология советской социологии. Помимо того, Осипов выступает редактором сборников, представляющих советские исследования удовлетворенности трудом, трудовых отношений, прогресса и технического обеспечения, теории и методов социологических исследований. В 1977 под его редакцией выходит пособие «Рабочая книга социолога» (второе издание 1983), которое, подобно «Социологии в СССР», но предназначенное уже только советскому читателю, представляет попытку одновременной трансляции западных методов социологических исследований и обобщение опыта советской социологии.

Если до середины 1980-х препятствием в административной карьере служит весомость ставки на институционализацию социологии и вытекающая из нее нехватка политической ортодоксии, впоследствии сбой происходит по схожей схеме, но под действием прямо противоположного политического принципа: в 1988 г. отдел науки ЦК КПСС отменяет выборы директора в ИКСИ, который по-прежнему рассчитывает занять Осипов, и назначает директором-организатором института либерально настроенного ленинградца В. А. Ядова, поддерживаемого Заславской. Отсрочка в занятии директорского кресла истекает в 1991 г, когда бывший замдиректора создает собственный институт и уходит в него с частью сотрудников бывшего ИКСИ. Несмотря на далеко не полную согласованность с требованиями Нового порядка, политический поворот разблокирует для Осипова отрезок пути, остававшийся до высших позиций в академической иерархии: в 1987 г. он избирается членом-корреспондентом, а в 1991 г., став директором ИСПИ⁵⁵ — академиком РАН. С конца 1980-х он участвует в разработке программ социальной политики, готовит докладные записки в ЦК КПСС, Верховный Совет, однако прямой кооптации в экспертный (и, тем более, управленческий) корпус нового государственного руководства, в отличие от Заславской, в этот период не происходит, что приводит к поляризации политической линии его публикаций по отношению к официальной социологии Перехода: с начала 1990-х гг. Осипов осваивает нишу радикальной критики радикального правительственного курса, которую освящает престижем высшей академической позиции⁵⁶. С задержкой, потребовавшейся на переопределение позиции,

⁵⁵ Институт социально-политических исследований АН.

⁵⁶ Как и Заславская, он пишет многочисленные публицистические тексты, но не объясняет смысл реформ, а предлагает альтернативные модели политических преобразований. Темы его публикаций: человеческая цена реформ, демографическое вырождение, социальный и экономический кризис России, поспешность и корыстность реформ и т. д. При этом в газетных интервью и публикациях его имя сопровождается неизменным указанием «академик».

он находит свое место в Новом порядке, но уже в том его секторе, который, в отличие от правого либерализма Заславской, примыкает к правому консерватизму КПРФ и патриотического блока. Если Заславская уже в конце 1980-х публикуется в таком политически маркированном сборнике, как «Иного не дано», то интервью Осипова в не менее маркированном издании «Завтра» появляются только в начале 2000-х.

В целом, уже к середине 1990-х в лице Заславской и Осипова в дисциплине четко обозначены два политических полюса, представленные в серии публикаций, дающих оценку повороту конца 1980-х–начала 1990-х⁵⁷. По социальным траекториям обоих академиков можно проследить, как социологическое признание наследует их административному положению: эманация административных постов в дисциплинарное (само)определение воспроизводит очередность создания ССА/ИКСИ⁵⁸ и, в целом, является наиболее общим условием такой институционализации социологии в России, которая гарантирует прямой перенос политических категорий в профессиональную практику. Принимая в расчет замедление административно-политической карьеры Г. В. Осипова, приходящееся на моменты ее ускорения у Т. И. Заславской и совпадающее с изменениями господствующего политического курса, можно понять, что различие между позициями двух академиков не являются собственно политическими — это *политически выраженное различие в профессиональных траекториях*. Но, одновременно, и политическое различие — в той мере, в которой сами профессиональные карьеры на высшем уровне обусловлены правилами политической игры и напрямую связаны с участием в государственных институтах. Так, после снижения позиций Заславской в политической иерархии, в ее текстах начинают звучать вопросы о цене и негативных последствиях реформ, их не всегда оправданном радикализме и т. п.⁵⁹, — т. е. темы, прежде озвучиваемые Осиповым, чей расчет на роль главного социологического эксперта при Новом порядке был разрушен «необратимой» поступью Перехода.

(Продолжение в следующем номере)

⁵⁷ Ключевые тексты из этого ряда обобщены в цитированных нами сборниках: Осипов Г. В. Социология и политика. М: Институт социально-политических исследований, 1995; Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002.

⁵⁸ Советская социологическая ассоциация (1957) и Институт конкретных социальных исследований (1968).

⁵⁹ Напр.: «Российское общество... стало объектом неуправляемого развития, что оказало разрушительное влияние как на его институциональную систему, так и на многие стороны социальной структуры» (с. 539).